

—Билет у меня был до Москвы на вечерний рейс из Калининграда, а до Томска - на утренний из Москвы, так что в Москве надо было где-то переночевать. Поехал из Шереметьева к Бирюковым и не застал их дома, вот что значит - нет телефона. Время было полдесятого вечера, я почти час проколачивался около их дома, думал, вот-вот подойдут, но подошли не Бирюковы, а огромные грозовые тучи, явно обещавшие ливень надолго. Я кинулся в автобус, до метро и в аэровокзал, где и провёл ночь в креслах.

—В Томск я прилетел около шести вечера по местному времени. Меня никто не встречал, а я, честно говоря, надеялся. Послonyaлся перед зданием аэропорта, всматриваясь в снующих клиентов аэрофлота, - Новикова не видно. Достал записную книжку и обнаружил, что его домашнего адреса в ней нет, забыл переписать с конвертов его писем, есть только всякие служебные номера телефонов в Томске, но время уже седьмой час, вряд ли кто на работе ещё сейчас. Что делать? Ничего не остаётся, как ехать в город, обращаться в адресный стол, в крайнем случае кантоваться где-то ещё ночь, о чём я думал с ужасом после двух подряд ночей без нормального сна, а утром отправляться в университет на защиту. Я залез в автобус и тут увидел в окно Новикова, бегающего по площади и ищущего меня. Ну, слава Тебе, Господи!

—Новиков отвёз меня на такси в университетскую общагу на окраине Томска. Здесь же, рядом со студенческим городком находится и ионосферная станция, где сидят Новиков с Лихачёвым (младшим) - морфологи, и новый лабораторный корпус МФТИ, где трудится группа Колесника. Обе группы входят в одну лабораторию и между собой, как выяснилось, враждуют.

—Общага, где Новиков поселил меня в двухместной комнатке (в расчёте, что вторым будет обещавший приехать на защиту Ситнов, который так и не приехал, и я жил там один), занимает совсем новый пятиэтажный кирпичный корпус. О том, что он новый, можно судить по тому, что рядом в точности такой же ещё не достроен. Внутри же вид ужасный: сырость, вонь, грязь, всё, что можно и даже, казалось бы, нельзя сломать - сломано, изодрано и засрано. Да и с самого начала сделано было безобразно.

—Между корпусами общежитий огромные асфальтовые пустыри, на которые вечерами высыпают толпы студентов и до полуночи (благо светло) играют кто в бадминтон, но больше в волейбол кружками. Тут же провал в асфальте, заваленный всяким хламом, и из него клубами валит пар - прорвана теплоцентраль и, похоже, уже давно, но на это никто не обращает внимания. Рядом пищеблок для студентов. Кормёжка под стать всему остальному. Рыбные котлеты с тушёной капустой, бр-р-р...

—Перед сном я проехался на троллейбусе до центра, где на набережной Томи обком, театр, посмотрел как таскают ершей многочисленные любители этого дела, и пешочком прошёлся до общаги, оказалось, километров пять. Утром отоспался как следует, а после обеда за мной заехал на своём "Москвиче" Миша Лихачёв - сын могучего Александра Ивановича и повёз вместе с Новиковым в университет на защиту.

—Диссертация у Новикова получилась если и не шибко оригинальной, то во всяком случае весьма добротной. Он работал над ней много лет, сначала как чистый морфолог, наводил статистику ионосферных эффектов суббурь, потом занялся их численным моделированием. Работал под руководством Марса Фаткуллина, не поладил с ним, ушёл к Дёминову. Здесь в Томске его долго не выпускали на защиту - против был Колесник, якобы по наущению Марса, стремившийся к тому же протолкнуть вперёд своих подопечных - Голикова, Королёва... На защите Новикова ни Колесника, ни Чернышёва, ни кого-либо ещё из их группы не было. Проигнорировали.

—Защита прошла гладко. Впрочем, повеселил меня один член Учёного Совета, молодой сравнительно мужик. Он упрекнул Новикова в сухости изложения, но противопоставил строгость и солидность его доклада моей (!) излишней эмоциональности, намекнув на некоторую легковесность моего отзыва. Так оно, может, и было. Отзыв я написал

короткий, да и зачитал его не полностью, что обычно приветствуется на защитах членами Учёного Совета, стремящимися поскорее закруглить дело. Урок для меня: это уместно в хорошо знакомой среде, а в незнакомой может произвести неблагоприятное впечатление. При голосовании оказался один недействительный бюллетень, остальные - за.

— После защиты Новиков повёл меня, Мишу Лихачёва и второго своего оппонента - из местных в какой-то загородный ресторан-сараяшко в лесу, сравнительно недалеко от студгородка. Там уже гуляла пара банкетных компаний, и нас посадили прямо под оркестр, точнее, под ВИА, который лупил нам в барабанные перепонки популярные в Сибири застольно-танцевальные мелодии и ритмы отечественной ресторанной эстрады. Кормили нас лосятиной и клюквой в сахаре, больше там ничего не было, но, говорят, бывает ещё медвежатина. Вследствие недостаточности закуски одна бутылка коньяку оказалась, судя по всему, лишней. Обрато мы шли пешком, с трудом удерживаясь в вертикальном положении. В нашей компании оказался какой-то громила - покоритель Афганистана, уверявший, что мы и представить себе не можем, каково там, а я всё приставал к нему с вопросом, что ему там нужно было. Он брал меня за грудки, мычал что-то, нас растаскивали... Как нас только милиция не забрала, когда мы в черте города появились.

— Лишь к вечеру следующего дня я окончательно пришёл в себя, сходил на берег Томи, который довольно красив здесь на окраине - крутые косогоры, поросшие берёзками, и в числе немногочисленных лихачей искупался в непрогретой ещё, несмотря на жару, очень быстрой и мутной Томи. Пожалел, что не взял с собой кроссовки, бегать здесь хорошо по тропинкам.

— Обратный билет из Томска мне в Калининграде заказать не удалось. Заказ не принимали, пока не приобрёл билет туда, а туда (с бронёй в Москве) можно было заказать только за 15 суток, пока оформили его и дали запрос на обратный, они уже закончились - всё в лучших традициях Аэрофлота. Пришлось телеграфировать Новикову, и он достал мне билет до Москвы только на 17-е и то через Новосибирск, так что у меня был в Томске ещё один свободный день, который Лихачёв и Новиков предложили провести на рыбалке. Я, разумеется, не стал отказываться.

— Поехали на лихачёвском "Москвиче" на Томь километров за 70 от Томска. Места красивые, холмистые, разнообразные леса, панорамы всякие открываются то с одного, то с другого возвышения с видами на Томь или озёра, но деревни по дороге портят всю картину - не заброшенные совсем, но запущенные донельзя, утопающие в грязи, дома вот-вот развалятся, ограды чёрт-те знает из чего вкривь и вкось кое-как сколочены, а большей частью дома вообще как на пустырях стоят, никаких тебе на них украшений хоть бы примитивных... Грустная картина.

— Зато Томская губерния по ликвидации церквей одно из первых мест занимала, - сообщил мне Лихачёв.

— Расположились на высоком правом берегу Томи под соснами и кедрами. Какой-то мужичок рыбачил с резиновой лодки, таскал мелочь, оказалось, уже ведро ельцов натаскал на опарыша с подкормкой (ведро с дырками опущено на верёвке в воду, а в ведре - корки, сухари), но некрупных, как те чебаки, что я на Бие ловил. Спустили и мы резиновую лодку на воду. Я наковырял червей на берегу, выбрал себе удочку и встал на приколе (камни в сетках вместо якорей) метрах в 20 от берега, а Володя с Мишей остались заниматься монтажом проколотой шины, устройством бивуака, костром и шашлыками. Ловля мелочи удочкой их не привлекала. Ловить так сетями, и не здесь, а километрах в семистах отсюда, на Оби где-нибудь, где есть ещё стерлядь. И в доказательство того, что она где-то ещё есть, Володя подарил мне пару вяленых стерлядок.

— Было жарко, и у меня практически не клевало, изредка лишь окушок, ёршик или пескарик вдруг утопят поплавок. Ельцы не попадались, не зря мужик с подкормкой ловил, да и опарыш нужен. Но мне всё равно было хорошо. Я развалился в лодочке, загорая, и лениво перебрасывал снасть, быстро сносимую течением. Но вот небо затянуло тучками,

толпившимися поначалу где-то далеко на горизонте, закапало потихоньку, и клёв сразу улучшился, стали попадаться и ельчики. Вскоре, однако, дождь разошёлся вовсю, я снялся с якорей, причалил к берегу, вытащил лодку и поднялся наверх к ребятам.

— Володя выдал мне спецодежду - противознцевалитный костюм: фуфайка из крупноячеистой сетки, вязаной толстыми шерстяными нитками, сверху мелкосетчатая куртка с капюшоном типа ветровки - всё это дышит, но не прокусывается комарьём, и, наконец, костюм типа штормовки - куртка со штанами. Всё это и греет, и от дождя защищает, и от комарья, что самое главное. Облачившись, я решил утилизировать свою добычу - 17 рыбёшек. Спустился к реке, почистил рыбу, развёл наверху отдельный костёр и сварил уху, благо были и картошка, и лук, и перец, и лавровый лист, и соль, всё, что нужно, и уха получилась вполне приличная.

— Шашлыки тоже удались - из свинины с лосятиной вперемешку. Пир был на славу, хотя пили очень умеренно (при изобилии водки и сухого вина). Дождь к вечеру кончился, разъяснилось, и вылезли комары в неопишемом совершенно количестве, полностью облепляя лицо и руки. Привычные сибиряки лишь изредка смахивали их с лица, когда совсем уж много соберётся, и мазями не пользовались - бесполезно, а я спасался в дыму костра, подкладывая туда сырые кедровые лапы, нарубленные кем-то до нас.

— Вот и представь себе любовь летом в Сибири, - говорил Миша. - Куда денешься? Вон, смотри, парочка в накомарниках гуляет.

— Действительно, по берегу, взявшись за руки, брели двое влюблённых в огромных накомарниках. Суровая жизнь. Не захочешь и красот этих.

— Разговор наш вскоре перешёл на местные проблемы. Ребята жаловались на Колесника, карьерист, мол, жуткий, всех локтями раздвигает, кто ему не нравится - по общественной линии начинает доставать, ярлыки вешать, в андроповской кампании за дисциплину особенно рьяно участвовал, защите Новикова сколько мог препятствовал безо всяких научных оснований, и зря, мол, мы его в Калининграде пропустили... Когда я рассказал, как он ссылался на поездку в Японию, они расхохотались:

— Он так уже несколько лет в Японию едет...

— Как тут не вспомнить анекдот: работал один пенсионер в туалете на Невском проспекте, мыло выдавал, полотенце, торговал сигаретами, известен был старожилам, и вдруг исчез. Встретил его случайно через полгода один из старых клиентов в занюханном туалете на окраине города.

— Как же Вы сюда попали? - спросил старичка его бывший клиент.

— Интриги, батенька, интриги...

— А когда я Колесника спросил, прослышав об их неприязненных отношениях с Новиковым, - в чём дело? - тот ответил:

— Интриган он просто-напросто.

— Но объяснять ничего не стал.

— Данилов - Иванов-Холодный; Власов - Михайлов; Намгаладзе - Фаткуллин; Кринберг - Хазанов; Коен - Климов; Колесник - Лихачёв; - сколько противостояний в ионосферной науке и во имя чего? Во имя научной истины? И неужели наша борьба с Гостремом, Никитиным, Бобарькиным, борьба Кочемировского с Брюхановым - такая же мышьяная возня, "борьба в науке", Бог знает, за что? Где водораздел между интригами и борьбой?

— Увы, нет его. Во всех этих противостояниях присутствует (в разной, конечно, степени) и то, и то - и мелкое интриганство, и борьба за истину, за честность, добропорядочность, против халтуры и липы, и наглого карьеризма. И прав Валера Ваганов, убеждённо изрекая свой любимый афоризм: "У верблюда два горба, потому что жизнь - борьба". И интриги тоже борьба. Вопрос только в том, кто за что борется.

— Наш разговор прервало тарактенье подъехавшего "Москвича". Из него вылез водитель - здоровенный мужик в свитере и милицейских галифе. Он подошёл к нам, представился:

— Саша.

— Сунул каждому свою огромную лапу и сказал:

— Ребята, есть бредень на сорок метров, нужен помощник, рыбу пополам, найдутся желающие?

— Я, не раздумывая, объявил себя желающим, - интересно же посмотреть, какая тут на самом деле рыба водится, раз уж приехал на рыбалку - надо рыбачить. Мы поднесли мужику стаканчик и выпили за знакомство, после чего мой тёзка объявил:

— Тогда двинем через часок, когда солнце сядет.

— Его пассажирами оказались миловидная женщина лет под сорок и девочка лет четырнадцати, вроде жена и дочь. Они выглядели вполне интеллигентно, резко контрастируя со своим грубоватым спутником. Компания расположилась неподалёку от нас. Мы изредка посматривали в их сторону, Лихачёву очень женщина понравилась. Мужик оглоушил бутылку водки, звал и нас присоединиться, но мы отказались, будучи увлечены своим разговором. Тогда он снова подошёл к нам и угостил изумительным копчёным салом, потом вернулся к своей машине, достал из багажника гармонь, улёгся на подстилке и начал оглашать раздолье музыкой и пением. Дамы чинно сидели рядом и слушали. Великолепная картина!

— Когда солнце село, мы все спустились вниз. Мужик тащил на себе бредень и водолазный костюм. В костюме он зашёл в воду по грудь и завёл бредень, другую жердину держал я и тащил свой край по кромке берега. Остальные помогали выводить бредень на берег. Сделали четыре захода и вытащили двух щучек граммов по семьсот. И всё. Вот тебе и рыбалка в Сибири. С таким бреднем у нас под обсерваторией вдоль камышей пройтись - мешок рыбы наловишь. С расстройства мужик даже не предложил нам половину улова, в которой мы, разумеется, не нуждались, но всё-таки. К тому же он набрал воды в костюм. Взвалив на себя существенно потяжелевший от воды бредень, мужик как танк полез в гору. Дамы несли щук. Компания погрузилась в свой "Москвич" и отбыла туда, откуда приехала.

— А мы остались ночевать. Мы с Новиковым спали в машине, предварительно тщательно передавив комаров, а Лихачёв, завернувшись в брезент, рядом с ней. Комаров, конечно, всех передавить не удалось, и сон был чисто символическим. На рассвете мы поднялись, собрались и отправились прямо в аэропорт, к моему рейсу. Все мои пожитки - портфель и гражданский костюм были предусмотрительно взяты с собой из общежития.

(продолжение следует)

[Главная страница](#)

[Путеводитель по "Запискам рыболова-любителя"](#)